

Сочельник в Бэрроу всегда был одним из любимых времен года для Виктуар, потому что все волнения, связанные с ним, английская часть ее семьи, все они теснились в странном, уютном старом доме. Слишком много родственников, все уютно разместились в нем, в воздухе витали запахи щедрого ужина, который все только что съели и всегда немного переели, потому что, сколько бы лет ни было бабушке Уизли, ее стряпня никогда не переставала быть невероятной на вкус. Дядя Джордж со своими шумными шалостями. Дедушка Уизли изображал Санта-Клауса для всех маленьких детей, а дядя Гарри, наоборот, изображал Крампуса и гонялся за всеми детьми, угрожая съесть их, если они не будут себя хорошо вести. Виктуар уже давно стала слишком взрослой, чтобы наслаждаться ролями, которые играли ее старшие родственники, как раньше, но впервые с тех пор, как она была ясноглазой девятилетней девочкой, "Крампус", казалось, смотрел в ее сторону.

Это было первое Рождество Виктуар в качестве взрослого человека, и с этим пришел определенный уровень зрелости, который она приняла, став одной из "взрослых" на Рождество. Возможно, это было не самое лучшее занятие на драгоценных каникулах после седьмого года обучения в Хогвартсе, но Виктуар была готова смириться с этим, наблюдая за тем, как все ее маленькие кузены снуют туда-сюда, по чему она уже почти успела соскучиться. Возможно, именно из-за того, что ей приходилось наблюдать за всеми этими крошечными рыжиками, она заметила, что шум, связанный с Крампусом, стал стихать, а также то, что одна за другой стали исчезать ее тети. Это было странно, но когда она поняла, что их нет, то не могла отвлечься. Тетя Гермиона исчезла на некоторое время, а затем, спотыкаясь, спустилась по лестнице, улыбаясь, с немного взъерошенными волосами и красными щеками. Когда тетя Анджелина вернулась снизу, она, казалось, шла немного неуверенно. Когда ее мать исчезла, она просто не вернулась.

У нее была теория на этот счет, основанная на некоторых вещах, которые она подслушала дома, но у нее не было возможности доказать, что это было именно так, и если это действительно связано с Гермионой и Анджелиной, то все зашло еще глубже, чем она могла себе представить, и у ее семьи появилась проблема.

"Виктуар, ты не могла бы помочь мне кое с чем наверху?" спросил Гарри, заставая ее врасплох.

"Конечно", - кивнула она, с любопытством глядя на своего дядю. Он взял ее за руку и повел наверх, на пятый этаж, не сказав ей, что ему нужно. Она и не спрашивала, так как он открыл дверь в тесную старую спальню Рона, нетронутую уже более двух десятилетий, так как она хранилась в том виде, в каком была. С тех пор в ней никто не бывал, включая Рона.

Но когда Виктуар переступила порог, все сразу же поразило ее. Жара и влажность, резкие запахи секса и пота заставили ее вздрогнуть, когда Гарри быстро затащил ее внутрь и закрыл дверь, заперев ее и оставив ее любоваться грязной, покрытой каплями и мокрыми пятнами кроватью. Затем она спустилась к запасному матрасу, брошенному на пол, на котором лежало самое шокирующее зрелище. Ее собственная мать. Раскинувшаяся на матрасе, обессиленная и вся в сперме. Она тяжело дышала, едва держась на ногах, так как на ней было скандальное микро-бикини в полоску цвета тростника, которое было сдвинуто в сторону, чтобы обнажить ее большие сиськи и киску, обе из которых были покрыты щедрой порцией спермы. Вся она была, на самом деле. Ее халаты были задраны, обнажая ее упругое тело и все его изгибы.

"Гарри?" спросила Виктуар, вскрикнув в панике, когда повернулась к Гарри и увидела, что он снова надел костюм Крампуса. Как он так быстро изменился? Он стоял в ужасающей рогатой маске, большой меховой мантии, цепях, разбросанных по всему телу, огромных перчатках, но была одна часть, которая точно оставалась дядей Гарри. Но, к несчастью, из-под мантии торчал массивный, покрытый венами член, и прежде чем она успела что-то сделать, его огромные руки схватили её за одежду.

"Я наказываю не только непослушных детей", - сказал он, его голос был магически искажен маской. Его руки схватились за ее одежду, быстро срывая ее, а шокированная блондинка стояла, как парализованная, и позволяла ему срывать с себя все, что было на ее теле. Хотя у нее были бледные светлые волосы и поразительно голубые глаза ее матери, в дополнение к общей пленительной красоте Вилы, у нее не было всех изгибов ее матери, более стройная девушка с пышной, но скромной парой грудей. И он был счастлив, что наконец-то смог раздеть ее и полюбоваться стройным телом во всей его обнаженной красе, оставив ее только в рождественских чулках до бедер. Он повалил ее на кровать, схватив за руки и прижав их над головой. Одна его рука легко перехватила ее, когда он сказал: "Я наказываю и взрослых женщин, когда считаю их непослушными шлюхами. А твоя мать и твои тети - грязные маленькие обманщицы, которые должны были быть наказаны".

<http://erolate.com/book/2707/63543>